

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Д.В. КУЗНЕЦОВ

“Вьетнамский синдром” в общественном мнении США

В статье исследуется проявление “вьетнамского синдрома” в общественном сознании США с 1973 г. до наших дней. Выделяются несколько этапов в его развитии: 1974–1981 гг.; 1981–1989 гг.; 1989–1993 гг.; 1990-е гг.; 2000-е гг. На каждом из этих этапов американское общественное мнение по проблемам использования военной силы приобретало уникальную конфигурацию, а руководство США, ощущая на себе воздействие последствий войны во Вьетнаме (1964–1973 гг.), и в частности “вьетнамского синдрома”, предпринимало попытки преодолеть его, причем также с переменным успехом.

Ключевые слова: вьетнамский синдром, общественное мнение США, реакция политической власти, обратная связь.

In the article “the Vietnam syndrome” in public consciousness of the USA since 1973 up to the present is investigated. Some stages in its development are allocated: 1974–1981; 1981–1989; 1989–1993; 1990-s; 2000-s. At each of these stages the American public opinion got a unique configuration on problems of the use of military force of the USA abroad.

Keywords: the Vietnamese syndrome, public opinion of the USA, reaction of the state power, pover response.

После окончания войны во Вьетнаме (1964–1973 гг.) на уровне массового сознания американцев неоднократно наблюдались проявления так называемого “вьетнамского синдрома” – специфического по своему характеру феномена, до сих пор оказывающего серьезное воздействие на конфигурацию общественного мнения США. Под “вьетнамским синдромом” в первую очередь подразумевается комплекс “пессимистических” – антиинтервенционистских – настроений в американской общественно-политической жизни, сложившийся в результате поражения США в войне во Вьетнаме. Вследствие этого поражения, а также под воздействием различных аспектов участия США в событиях в Юго-Восточной Азии возникла коллективная психологическая травма, конкретным проявлением которой стал страх американцев перед прямым участием их страны в военных конфликтах [Herring, 1981]. После окончания войны во Вьетнаме “вьетнамский синдром” в наибольшей степени проявился на уровне массового сознания американцев и нередко стал сопровождаться требованием исключить войну из арсенала средств национальной политики правительства как метода решения внешнеполитических кризисов. “Больше никаких Вьетнамов!” – именно под таким лозунгом тогда выступили сторонники невмешательства США в дела других стран.

Кузнецов Дмитрий Владиславович – кандидат исторических наук, доцент Благовещенского педагогического государственного института.

“Вьетнамский синдром” стал противовесом “мессианства” – основополагающего компонента американской внешнеполитической ментальности, включающего использование военной силы за рубежом для различных целей, например распространения демократии или “смены режимов”.

Анализируя сложившиеся после окончания войны во Вьетнаме настроения в американском обществе, М. Яновиц на основе многолетнего изучения динамики внешнеполитических ориентаций американцев счел возможным говорить о долговременной и устойчивой тенденции, связанной с “кумулятивным эффектом” поражения во Вьетнаме и провалом ряда других военных интервенций. Этот “кумулятивный эффект”, по его наблюдению, привел к понижению уровня готовности американцев поддержать любое использование военной силы [Janowitz, 1978].

В 1971–1975 гг. “U.S. News and World Report” неоднократно размещал отчеты о текущем положении Америки в мире под одним и тем же названием: “Уменьшается американское военное присутствие за рубежом”. В каждом из этих отчетов сокращение численности американских войск в других странах мира, ограничение активности в военной области преподносилось как “жест доброй воли” и стремление перераспределить национальные ресурсы в пользу внутренних приоритетов, как удовлетворение устремлений и пожеланий американцев, выявленных в ходе опросов общественного мнения. Д. Янkelович отмечал в связи с этим следующее: “Все больше и больше американцев разочаровываются в интервенционистской философии, которая втянула нас в войну во Вьетнаме” [Yankelovich, 1978].

В целом американцы стали склоняться к действиям ограниченного характера, таким как принятие экономических санкций, поставки оружия и военных материалов, даже к отправке военных советников, не принимающих участия в боевых действиях, чем к посылке активно действующих советников, и тем более к введению контингента войск. Указанные тенденции были зафиксированы группой исследователей из Чикагского совета по внешним сношениям, которая в 1975 г. провела первый опрос общественного мнения по проблемам внешней политики [American... 1975]. Согласно опросу 1977 г. при участии Ассоциации внешней политики, информированная часть американского общества предпочла урегулирование международных конфликтов путем переговоров и высказалась крайне осторожно по поводу прямого военного вмешательства США за границей. В 1979 г. в очередном сборнике “Американское общественное мнение и внешняя политика”, в который были включены результаты проведенных в США под эгидой Чикагского совета по внешним сношениям опросов общественного мнения, подчеркивалось: “В настоящее время скептицизм относительно участия в заокеанских авантюрах остается, но налицо поддержка твердому участию Соединенных Штатов в мировых делах при условии, что эта вовлеченность не будет преимущественно военной” [American... 1979].

Конкретные проявления “вьетнамского синдрома” можно было наблюдать с 1973 г., когда сложившаяся еще во время войны во Вьетнаме новая модель взаимовлияния внешней политики и общественного мнения функционировала с переменным успехом. Демонстрируя различный его уровень, эта модель подвергалась трансформациям. В целом можно выделить несколько этапов в ее развитии (1974–1981 гг.; 1981–1989 гг.; 1989–1993 гг.; 1990-е гг.; 2000-е гг.). На каждом из этих этапов американское общественное мнение по проблемам использования военной силы приобретало новую конфигурацию, а руководство США, ощущая на себе воздействие последствий войны во Вьетнаме, и в частности “вьетнамского синдрома”, предпринимало попытки преодолеть его, причем также с переменным успехом.

Первый этап в эволюции общественного мнения в США, когда “вьетнамский синдром” проявился наиболее ярко, относится к периоду 1974–1981 гг. Еще в период президентства Р. Никсона в 1973 г. Конгресс США принял ряд резолюций, в соответствии с которыми запрещалось проводить военные операции с использованием сухопутных войск в странах Юго-Восточной Азии. В 1974–1975 гг. в условиях мирового экономического кризиса в ходе развернувшейся в США дискуссии вокруг использования

военной силы для решения нефтяной проблемы (тогда американские СМИ в самых мрачных тонах расписывали последствия решений “этих нелюдей из ОПЕК” повысить цены на нефть) многие ставили под сомнение целесообразность таких шагов.

“Наследие Вьетнама” заявило о себе в полный голос, когда в апреле 1975 г. новое руководство США в лице администрации Дж. Форда столкнулось с первым серьезным внешнеполитическим кризисом, и возникла проблема использования военной силы в Юго-Восточной Азии. Падение в Южном Вьетнаме проамериканского режима Нгуен Ван Тхуе в результате наступательных действий северовьетнамских войск в ходе операции “Хо Ши Мин” вызвало панику в США. Но на использование военной силы американцы не решились.

Многие в США тогда предпочитали напрямую не вмешиваться в события в Юго-Восточной Азии. Срочно внесенный 16 апреля 1975 г. в Конгресс США запрос о выделении средств на чрезвычайную военную помощь Южному Вьетнаму вызвал настоящий взрыв эмоций и протест среди сенаторов и конгрессменов. Исключительно негативным оказалось отношение американских СМИ к идее об оказании широкой помощи слабейшему режиму Нгуен Ван Тхуе в Сайгоне. Против оказания военной помощи сайгонскому режиму из-за “боязни оказаться вновь втянутыми в войну в больших масштабах” тогда выступали и подавляющее большинство американцев: в феврале 1975 г. – 78%, в том числе сторонников Республиканской партии – 72%, сторонников Демократической партии – 80%, независимых – 78%. Примерно такие же результаты были получены в марте и апреле 1975 г. Более половины (57%) высказались против отправки дополнительной американской военной помощи в Индокитай, даже если такая помощь «поможет избежать “кровавой бани” для народов этих стран» [ТАСС... 1975].

На фоне подобных настроений среди широкой американской общественности, сопротивления со стороны Конгресса США администрации Форда не удалось добиться поставленной цели и убедить представителей законодательной власти принять законопроект, предусматривающий оказание чрезвычайной военной помощи Южному Вьетнаму. Дебаты в Конгрессе США привели только к выделению средств на организацию эвакуации оставшихся в Южном Вьетнаме американцев. В результате действия администрации Форда в ответ на события в Юго-Восточной Азии ограничились проведением нескольких операций по эвакуации граждан США (всего 1373 человека).

Таким образом, кризис, с которым в 1975 г. США столкнулись в Юго-Восточной Азии, со всей очевидностью выявил наличие “вьетнамского синдрома”. В ходе этого первого серьезного регионального кризиса, в который оказались вовлечены США после окончания войны во Вьетнаме, обнаружилось реальное влияние на внешнюю политику общественного мнения по вопросам использования военной силы. Вскоре “вьетнамский синдром” вновь заявил о себе. Во второй половине 1970-х гг. представители американской общественности выступили против вмешательства США в региональные кризисы на африканском континенте. Критическую позицию относительно возможного участия США в событиях в Анголе, Эфиопии и Сомали заняли американские СМИ. Согласно опросам общественного мнения, большинство американцев критически отнеслись к идее вмешательства США в события в Анголе, Эфиопии и Сомали даже в форме оказания военной помощи. Более трех четвертей респондентов были уверены в том, что военное вмешательство в Африке приведет к тому, что американские войска увязнут там так же глубоко, как это было во Вьетнаме.

Проявления “вьетнамского синдрома” во второй половине 1970-х гг. достаточно ярко иллюстрируют также два случая использования военной силы – инцидент с “Маягуэс” (1975 г.) и кризис с заложниками в Иране (1979–1981 гг.), хотя в то же время они свидетельствуют о попытках руководства США преодолеть последствия “вьетнамского синдрома”. Эти два случая использования военной силы весьма похожи друг на друга, будучи по сути спасательными операциями по освобождению захваченных в качестве заложников граждан США. Однако их результативность оказалась раз-

личной. В случае с инцидентом с “Маягуэс” захваченных в Камбодже граждан США удалось освободить. Заложников в Иране освободить не удалось.

Поведение руководства страны во время ключевого кризиса, вспыхнувшего на рубеже 1970–1980-х гг. и связанного с захватом в Тегеране в качестве заложников десятков граждан США, абсолютно не оправдало надежд тех американцев, которые ждали от своего правительства подтверждения на практике способности решать международные проблемы, в которые были вовлечены США, в том числе прибегая, пусть и ограниченно, к использованию такого средства внешней политики, как военная сила. Это стало свидетельством того, что в течение 1974–1981 гг. преодолеть “вьетнамский синдром” не удалось.

С 1981 г. наблюдается второй этап в эволюции общественного мнения в США, когда руководство страны избрало курс на решительное преодоление последствий “вьетнамского синдрома”, и это имело свои результаты.

В период президентства Р. Рейгана (1981–1989 гг.) США неоднократно прибегали к использованию военной силы во внешней политике. Это объясняется, с одной стороны, основами внешнеполитического курса США после прихода к власти неоконсерваторов, с другой – попытками руководства США активизировать действия, направленные на преодоление последствий “вьетнамского синдрома”. В течение 1981–1989 гг. США оказались вовлеченными в пять достаточно крупных региональных кризисов, в ходе которых использовалась военная сила: в странах Центральной Америки в 1981–1989 гг.; Ливане в 1982–1984 гг.; Гренаде в 1983 г.; Ливии в 1986 г.; в районе Персидского залива в 1987–1988 гг.

“Тень” Вьетнама нависала над Америкой в условиях вмешательства в события в странах Центральной Америки и Ливане, которое, по мнению американцев, могло действительно привести к возникновению обстановки, аналогичной той, что имела место во Вьетнаме. Отсюда – различия в уровне поддержки военных действий со стороны американцев [Eichenberg, 2005]¹.

Главная опасность, по мнению американских СМИ, также заключалась в том, что ситуация в странах Центральной Америки и Ливане может развиваться именно по “вьетнамскому сценарию”: «...Некоторые из политических советников Рональда Рейгана глубоко обеспокоены состоянием внешней политики. Ответственность критически относится к его действиям в области внешней политики, особенно в странах Центральной Америки и Ливане. Она волнуется, что эти два региона могут стать “болотами”, подобными Вьетнаму» (“Christian Science Monitor”, October 23, 1983).

Между тем представители широкой американской общественности в ответ на вооруженную интервенцию в Гренаду (1983 г.) продемонстрировали совершенно иную модель поведения, чем в отношении стран Центральной Америки и Ливана. Важно подчеркнуть, что военная интервенция США в Гренаду стала фактически первой крупной операцией с участием вооруженных сил США за пределами страны с момента окончания Вьетнамской войны 1964–1973 гг. и в результате превратилась в своеобразный “тест на прочность”. 28–31 октября 1983 г. более двух третей американцев заявили, что администрация Рейгана права, отправив вооруженные силы США в Гренаду [The Harris... 1983].

Влияние на общественное мнение в США оказали легкая победа, а также небольшое количество потерь среди американских военнослужащих (19 – убиты, 116 – ранены). Когда в декабре 1983 г. Служба Д. Янкеловича провела опрос общественного мнения, выяснилось, что две трети из одобрявших военную интервенцию в Гренаду назвали главной причиной своего одобрения необходимость “нации утвердить себя”. В связи с этим “The Christian Science Monitor” писала: “Боевые действия были непро-

¹ Уровень поддержки военных действий со стороны американцев в 1981–1989 гг. (в %): Сальвадор – 31; Никарагуа – 32; Ливан, 1982–1984 гг. – 40; Гренада, 1983 г. – 59; Ливия, 1986 г. – 59; район Персидского залива, 1987–1988 гг. – 58.

должительными и принесли решающий успех, разрушений и жертв среди мирного населения было сравнительно немного. Основная цель была достигнута. Кубинцы и другие незваные гости из коммунистического мира выдворены... Гренада – идеальный пример того, когда и при каких условиях вторжение может увенчаться успехом” (“The Christian Science Monitor”, December 31, 1983).

Тенденции, оформившиеся в массовом сознании американцев благодаря успешной военной интервенции в Гренаде, усилились в 1986 г. под влиянием не менее успешной “акции возмездия” против Ливии. В ночь с 14 на 15 апреля 1986 г. ВВС США нанесли серию ракетно-бомбовых ударов по территории Ливии, в том числе по Триполи и Бенгази (операция “Каньон Эльдорадо”). Ощущая угрозу со стороны международного терроризма, американцы в подавляющем большинстве посчитали оправданным нанесение ракетно-бомбовых ударов по территории Ливии. В сущности, “акция возмездия” в отношении Ливии предоставила руководству США возможность укрепить тенденции по преодолению “вьетнамского синдрома”. “Отдав приказ об использовании американских вооруженных сил... Р. Рейган послал сигнал друзьям и врагам: Вашингтон больше не парализован памятью Вьетнама и готов применить военную силу, когда его интересы находятся под угрозой... Все мы теперь уведомлены о новом значении жестких речей Р. Рейгана и широкого наращивания военной мощи в период его президентства” [U.S. News... 1986].

Однако уже в 1987–1988 гг. многие американцы заговорили об угрозе “нового Вьетнама”. Теперь это касалось вовлеченности США в события в районе Персидского залива, когда в условиях ирано-иракской войны в данный регион были отправлены дополнительные силы ВМФ США, которые в течение 24 июля 1987 г. – 26 сентября 1988 г. эскортировали нефтяные танкеры Кувейта. О подобных опасениях тогда напоминали американские СМИ. “Вначале план казался простым: сменить флаги на кувейтских судах на звездно-полосатые. Сама по себе демонстрация американской военной мощи будет достаточной мерой, чтобы отвлечь Иран от дальнейшей агрессии в Персидском заливе. Со временем напряженность сойдет на нет. Вместо этого в голубых водах Персидского залива действия разворачиваются по кошмарному для Соединенных Штатов сценарию. Обстановка в этом регионе Земного шара никогда раньше не казалась более взрывоопасной. В Вашингтоне с опозданием начинают признавать: операция по смене флагов на танкерах, задуманная скорее в спешке, чем по велению разума, чревата вещами куда более серьезными, чем случайные столкновения с минами...” [U.S. News... 1987]. Очевидно, что американцев не прельщала перспектива появления очередного “нового Вьетнама”.

Таким образом, и в 1980-е гг. представители широкой американской общности ощущали на себе сильнейшее воздействие “вьетнамского синдрома”, что ослабляло основополагающий компонент американской внешнеполитической ментальности – “мессианство”. Это обнаружилось в условиях вмешательства США в ситуацию в странах Центральной Америки и Ливана, а также (хотя и в гораздо меньшей степени) в районе Персидского залива, что вызвало рост критики в адрес руководства США. Как писали тогда, “даже сегодня шрамы вьетнамских ран видны в политике, экономике и идеалах американцев” [U.S. News... 1983]. В то же время в 1980-е гг. наблюдались и совершенно противоположные тенденции, связанные с ослаблением “вьетнамского синдрома” и, соответственно, усилением основополагающего компонента американской внешнеполитической ментальности – “мессианства”. Так, успешная военная интервенция в Гренаду, а также “акция возмездия” против Ливии способствовали преодолению последствий “вьетнамского синдрома”, что в совокупности с шагами, предпринятыми руководством США, направленными на укрепление этих тенденций, имело положительные по своему характеру результаты.

На период президентства Дж. Буша (1989–1993 гг.) приходится третий этап в эволюции общественного мнения в США, характеризующийся дальнейшим укреплением тенденций преодоления последствий “вьетнамского синдрома”. Этому способ-

ствовали две успешные для США военные операции: в отношении Панамы (1989 г.) и Ирака (1990–1991 гг.) – операция “Буря в пустыне”. Отношение американцев к ним было в целом положительным и большинство считали эти действия оправданными: в отношении Панамы операцию поддержали 52% американцев, Ирака – 81% [Eichenberg, 2005].

Правда, еще на стадии подготовки военной операции в Персидском заливе в массовом сознании американцев проявлялся “вьетнамский синдром”. Многие из тех, кто тогда критически относились к политике США на Ближнем Востоке в связи с возникшим кризисом, склонны были проводить параллели с теми конфликтами, участие в которых принесло стране серьезные проблемы (Корейская война 1950–1953 г., Вьетнамская война 1964–1973 г., попытка вторжения в залив Кочинос на Кубе в апреле 1961 г.) [Malcolm, 1990]. В американских СМИ поднимались вопросы о целях войны в Персидском заливе, подчеркивалась опасность превращения ее в “новый Вьетнам”, разрастания регионального конфликта до глобальных масштабов и экологической катастрофы. “Time”, например, на обложку номера вынесла заголовок: “Что такое Кувейт и стоит ли за него умирать?” (“Time”, 24, December 1990).

Но успешная военная операция в районе Персидского залива при незначительном количестве жертв среди американских военнослужащих привела к подавлению подобного рода настроений среди определенной части американского общества. 1 марта 1991 г. во время пресс-конференции, на которой были подведены итоги фактически завершившейся к тому моменту военной операции в районе Персидского залива, была произнесена, пожалуй, самая знаменитая фраза президента Буша, связанная с “вьетнамским синдромом”. Говоря о том, что “призрак Вьетнама” был похоронен в песках пустыни на Аравийском полуострове, Буш заявил: «Это день гордости для Америки и, ей-Богу, мы избавились от “вьетнамского синдрома” раз и навсегда!».

«...До свидания, Вьетнам! – писала 11 марта 1991 г. “Time” в статье “Изгнание старого демона”: Сейчас прошедшие 16 лет исчезнут так же быстро, как быстро американцы и их друзья взбирались с крыш в вертолеты и покидали Сайгон, оставляя его победившим коммунистам Вьетнама. Боль от этого и очень многих других вьетнамских воспоминаний – мертвых детей Май Лай, шока Тет-1968, удачных и неудачных действий, осколков, наркотиков, убийства американских студентов в Кенте – только усиливавшихся со временем, так или иначе, прошла. Когда возглавляемые США силы мчались на прошлой неделе через Кувейт в Ирак, они, возможно, одержали победу не только над иракской армией, но также победили один из самых ядовитых призраков вьетнамской эры – неуверенность в себе, страх перед силой, фундаментальное непонимание целей Америки в мире» [Cloud, 1991]. Война в Персидском заливе способствовала временному преодолению “вьетнамского синдрома” в массовом сознании американцев и, следовательно, существенному укреплению основополагающего компонента американской внешнеполитической ментальности – “мессианства”.

Между тем временным оно оказалось потому, что уже в 1992 г., как свидетельствуют факты, “вьетнамский синдром”, пусть и не так громко, как ранее, вновь заявил о себе. И в первую очередь, он проявился у руководства страны. Те случаи вероятного использования военной силы, с которыми столкнулась администрация Буша в 1992 г. (Сомали, Босния и Герцеговина, Гаити), выявили крайне осторожное отношение к перспективе прямого использования военной силы. Тогда Буш заявлял, что, следуя урокам Вьетнама, он не будет этого делать, пока не определится с целями, и пока, как он подчеркивал, “военные не уверят меня, что могут справиться с ситуацией”. В связи с этим, отмечает Д. Бэйли, «избавление от “вьетнамского синдрома” оказалось недолгим, что подтверждают последующие решения в сфере внешней политики» [Bailey, 2008].

Новый этап в эволюции общественного мнения в США (1990-е гг.) выявил крайние противоречивые тенденции. В период президентства У. Клинтона (1993–2001 гг.),

когда США оказались вовлечены в гораздо большее, чем прежде, число ситуаций, связанных с использованием военной силы, фактически вплоть до 1998–1999 гг. на состоянии общественного мнения в США огромное влияние оказывали последствия участия США в событиях в Сомали, где американские войска были втянуты во внутреннюю борьбу с участием одного из влиятельных полевых командиров – М. Айдида. Вмешательство контингента вооруженных сил США в конфликт в Сомали закончилось настоящим провалом. Во время проведения спецоперации в столице страны Могадишо 3–4 октября 1993 г. произошли самые крупные по своим масштабам вооруженные столкновения с участием американских войск, которые понесли серьезные потери. Тогда вновь стали выражаться опасения по поводу того, что, оставшись в Сомали, США окажутся в “трясине” наподобие той, что была во Вьетнаме. Более того, неудача в Сомали способствовала формированию в общественном мнении США так называемого “синдрома Сомали”, похожего на “вьетнамский синдром”. Американская общественность выступила против каких-либо людских потерь в ходе военных операций малой интенсивности [Kaus, 1994; Purvus, 2000]. Д. Хэлберстэйм, автор книги “Война во времена мира” (2001 г.), даже ввел термин “синдром Вьетмали” [Halberstam, 2001]. Его проявления заключались в том, что поддержка со стороны общественного мнения любых действий США в сфере внешней политики там, где национальные интересы страны неочевидны, настолько шатка, что даже несколько жертв среди американских военнослужащих могут “торпедировать” эту поддержку и свести ее к нулю.

Воздействие данного синдрома ощущалось применительно к другим случаям использования военной силы в период президентства Клинтона. Это касалось вмешательства США в ситуации на Гаити (1993–1995 гг.), в Руанде (1994 г.), в КНДР (1994 г.), на Восточном Тиморе (1999 г.), на Балканском полуострове – в Боснии и Герцеговине (1993–1995 гг.) и в Косове (1998–1999 гг.). При этом необходимо учесть и то немаловажное обстоятельство, что применительно к отдельным из указанных ситуаций фактор наличия национальных интересов США в этих регионах Земного шара не имел для американцев сколько-нибудь существенного значения, что также ослабляло потребность общественности в поддержке вмешательства. В гораздо меньшей степени это относилось к “акциям возмездия” против Ирака (1998 г.), Судана и Афганистана (1998 г.), когда фактор наличия национальных интересов США в этих регионах в совокупности с актуализацией вопросов национальной безопасности становился фактически определяющим моментом в использовании военной силы. К тому же быстротечность этих “акций возмездия” (максимум несколько дней) не создавала необходимых условий для того, чтобы воспоминания о Вьетнаме стали преобладающими в среде широкой американской общественности. Поэтому уровень поддержки, который наблюдался со стороны американцев применительно к отдельным случаям использования военной силы, оказался различным: Сомали, 1993–1995 гг. – 56%; Босния и Герцеговина, 1993–1995 гг. – 46%; Гаити, 1993–1995 гг. – 37%; Руанда, 1994 г. – 47%; КНДР, 1994 г. – 45%; Ирак, 1993–1998 гг. – 62%; Судан и Афганистан, 1998 г. – 73%; Косово, 1998–1999 гг. – 49%; Восточный Тимор, 1999 г. – 34% [Eichenberg, 2005].

В течение 1990-х гг. американские СМИ постоянно напоминали о том, что “вьетнамский синдром” вовсе не исчез и продолжает оказывать влияние на состояние массового сознания американцев, в том числе воздействуя на основополагающий компонент американской внешнеполитической ментальности – “мессианство”. Таким образом, в 1990-е гг. общественное мнение США, помня “опыт Вьетнама”, по-прежнему с осторожностью относилось к использованию военной силы и, как подчеркивает Хэлберстэйм, “в течение 1990-х годов ключевые решения, касающиеся внешней политики, оказались заложниками по отношению к прихотям американской общественности” [Halberstam, 2001].

В 2000-е гг. в эволюции общественного мнения США появились новые тенденции, которые в целом укладываются в рамки пятого этапа. В период президентства Дж. Буша-младшего (2001–2009 гг.) ключевым событием, в сущности определившим

отношение американцев к проблемам использования военной силы, стали террористические акты 11 сентября 2001 г., буквально всколыхнувшие общественное мнение. Первоначально, особенно в первые дни после трагедии, когда шоковое состояние американцев (ужас от происходящего, депрессия, сочувствие жертвам) оказалось преобладающим, единственной ответной психологической реакцией были гнев и, как следствие, чувство мести – устойчивое желание осуществить “акцию возмездия” в отношении тех, кто, по мнению руководства США, оказались причастными к событиям 11 сентября 2001 г. [Кузнецов, 2009]. При этом во многом именно информационная политика американских СМИ стала одним из важнейших факторов, способствовавших формированию такой конфигурации общественного мнения, при которой руководство США могло фактически беспрепятственно проводить весьма жесткие мероприятия, причем как внутри страны, так и за ее пределами. Отсюда – поддержка американцами руководства США, объявившего “войну с террором”. Это касалось и ее внешнего “фронта”. Общенациональный консенсус стал важнейшим фактором, определявшим состояние американского общества в 2001 г. и в 2002–2003 гг., когда решительные настроения американцев в целом распространились на ситуацию в Афганистане и Ираке.

Как свидетельствуют опросы общественного мнения, американцы определенно выступили за военные операции против Афганистана и Ирака. Учитывая это, а также используя возможности информационной политики американских СМИ, руководство США смогло расширять рамки “войны с террором”. Все это привело к самому значительному после 1973 г. ослаблению воздействия “вьетнамского синдрома” на состояние общественного мнения США по проблемам использования военной силы, а также к усилению основополагающего компонента американской внешнеполитической ментальности – “мессианства”.

Между тем, когда иракская и афганская политика США столкнулась с серьезными трудностями, общественное мнение США вновь подверглось существенным трансформациям. К концу президентства Буша-младшего отношение американцев к участию США в военных действиях в Ираке и Афганистане стало исключительно критическим, что во многом связывалось с постоянно растущими жертвами среди американских военнослужащих. Для большого числа американцев ситуация в Ираке и Афганистане начала напоминать Вьетнам, а с 2005 г. в США все чаще говорили о возникновении “иракского синдрома” и “афганского синдрома”.

”Война с террором” в Афганистане и Ираке изменила конфигурацию общественного мнения в США по поводу использования военной силы. В первую очередь это касалось проблемы нераспространения оружия массового уничтожения и связанных с ней проблем Ирана и Северной Кореи: уже в 2003 г. американцы в отношении этих стран проявили сдержанность. «На протяжении всей истории США, начиная с испано-американской войны 1898 года и заканчивая Вьетнамом, почти все крупные конфликты вызывали определенную политическую реакцию внутри страны. Историки говорят, что эта форма демократического протеста сдерживает применение восточной мощи США... В сущности, американцы как будто спрашивают: “Можем ли мы себе позволить доктрину Буша?”... Большинство американцев – представители всех политических партий – говорят, что... они выступают против политики использования военной силы против третьей страны, если только США первыми не подверглись нападению» (“The Christian Science Monitor”, October 9, 2003). Нерешительность в вопросах использования военной силы (хотя и в различной степени) возникла и применительно к перспективе участия страны в урегулировании кризисных ситуаций, возникших вокруг Сирии (2003 г.), Либерии (2003 г.) и Дарфура (Судан) (2004–2009 гг.) [Eichenberg, 2005]. Все это отразилось на уровне поддержки военных действий со стороны американцев в 2000-е гг., изменявшемся со временем. Так, “Акции возмездия” (в ответ на террористические акты 11 сентября 2001 г.) поддержали 11 сентября 2001 г. – 93%; 13 сентября 2001 г. – 94%; 20 сентября 2001 г. – 90%; в целом войну с террором в 2001 г. – 79%. Затем войну в Афганистане после 79-процентной поддержки в 2001 г.

поддержали 72% в 2005 г. и 66% в 2006 г. Цифры поддержки война в Ираке составляли в 2002–2005 гг. – 72%; 2005 г. – 48%; 2009 г. – 43%. Поддерживали войны в Сирии (2003 г.) – 40%; Иране (2003 г.) – 44%; Северной Корее (2003 г.) – 44%; Либерии (2003 г.) – 50%; Дарфуре (Судан, 2004–2009 гг.) – 50%.

* * *

Итак, конкретные проявления “вьетнамского синдрома”, который, как уже указывалось выше, стал противовесом идеологии “мессианства”, можно было наблюдать в период президентства Форда (1974–1977 гг.), Картера (1977–1981 гг.), Рейгана (1981–1989 гг.), Буша (1989–1993 гг.), Клинтона (1993–2001 гг.) и Буша-младшего (2001–2009 гг.), когда непосредственно использовалась военная сила.

В целом, применительно к эволюции американского общественного мнения по проблемам использования военной силы, следует говорить о маятниковом характере движения – по крайней мере, пяти “волнах” (1974–1981 гг.; 1981–1989 гг.; 1989–1993 гг.; 1990-е гг.; 2000-е гг.), свидетельствующих об усилении и ослаблении воздействия на массовое сознание американцев “вьетнамского синдрома” и, соответственно, об ослаблении или усилении основополагающего компонента американской внешнеполитической ментальности – “мессианства”, нейтрализация которого наблюдалась каждый раз при столкновении США с серьезными проблемами при проведении своего военно-политического курса. Подобные процессы наблюдаются фактически до сих пор.

К моменту прихода к власти администрации Б. Обамы (с 2009 г.) “вьетнамский синдром”, трансформировавшийся в подобные ему “иракский” и “афганский” синдромы, возродившись, вновь стал одним из основополагающих факторов, до сих пор оказывающих воздействие на конфигурацию общественного мнения США. Яркое тому свидетельство – в целом осторожный внешнеполитический курс администрации Обамы, демонстрирующий нежелание нынешнего руководства втягивать страну в сомнительные военные авантюры. Это можно наблюдать на примере довольно ограниченного (в сравнении с другими странами – членами НАТО) участия США в начавшейся 19 марта 2011 г. военной операции против режима полковника М. Каддафи в Ливии.

Совершенно очевидно, что в США общественное мнение оказывает вполне ощутимое (в ряде случаев, даже решающее) воздействие на принятие внешнеполитических решений, демонстрируя тем самым состоятельность существующей в стране политической системы (даже с учетом всех ее недостатков). Опыт участия представителей широкой американской общественности в обсуждении проблем внешней политики, среди которых наибольшей актуальностью отличаются вопросы, связанные с использованием военной силы, демонстрирует способность рядовых граждан, то есть людей, не наделенных властными полномочиями, превратиться в мощную политическую силу, что, на мой взгляд, – является одним из ключевых признаков демократически развитого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кузнецов Д.В. События 11 сентября 2001 г. и проблема международного терроризма в зеркале общественного мнения. М., 2009.

ТАСС. Досье иностранной общеполитической информации. 1975 г. США – Общественные организации // ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 43. Д. 16698. Л. 78, 150–152.

American Public Opinion and U.S. Foreign Policy. 1975. The Chicago Council on Foreign Relations. Chicago, 1975.

American Public Opinion and U.S. Foreign Policy. 1979. The Chicago Council on Foreign Relations. Chicago, 1979.

Bailey D. Kicking the Vietnam Syndrome: George H.W. Bush, Public Memory, and Incomplete Atonement during Operation Desert Storm. Paper Presented at the Annual Meeting of the NCA 94th Annual Convention, TBA, San Diego, November 21–24, 2008.

Cloud S.W. The Home Front: Exorcising an Old Demon // *Time*. March 11. 1991.

Eichenberg R.C. Victory Has Many Friends: the American Public and the Use of Military Force, 1981–2005 // *International Security*. Summer 2005. Vol. 30. № 1.

Halberstam D. *Title War in a Time of Peace*. New York, 2001.

The Harris Survey. 1983. № 88. For release: Thursday AM. November 10, 1983.

Herring G.C. The “Vietnam Syndrome” and American Foreign Policy // *Virginia Quarterly Review*. Autumn 1981. Vol. 57. № 4.

Janowitz M. *The Last Half Century; Societal Change and Politics in America*. Chicago, 1978.

Kaus M. The Somalia Syndrome // *New Republic*. Vol. 211. № 16. (10/17/1994).

Malcolm A.H. Confrontation in the Gulf; Opponents to U.S. Move Have Poverty in Common // *The New York Times*. September 8, 1990.

Purvus A. The Somalia Syndrome // *Time Atlantic*. Vol. 155. № 20. (5/22/2000).

U.S. News and World Report. October 10, 1983.

U.S. News and World Report. August 12, 1987.

U.S. News and World Report. April 22, 1986.

Yankelovich D. Cautions Internationalism. A Changing Mood Toward U.S. Foreign Policy // *Public Opinion*. 1978. Vol. 1. № 2. March/April.

© Д. Кузнецов, 2012